

Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта)

Abstract:

Lapteva L.P. *Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914). (To the death centenary of the famous slavist).*

The article covers the scholarly and teaching activities of Vladimir Lamansky. It draws attention to his outlook and active training of Slavists in Russia in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. It is noted that Lamansky – having brought-up numerous disciples – nevertheless could share his ideological and political views just with a few of them, and those were mainly representatives of the first generation of his students. Mainly, Slavists, who had been attending Lamansky’s course in the middle of the 1880s, had opposite views on historical process, or the history of the Slavs, and different political creed. Therefore, one could hardly speak of any “Lamansky school”, to which experts in Slavic history from his formers students belonged.

Ключевые слова: славяноведение, В.И. Ламанский, Петербургский университет, научная школа, И.С. Пальмов, Н.В. Ястребов, А.Л. Погодин.

В 2014 г. славистическая общественность России и зарубежных славянских стран отмечает столетие кончины знаменитого русского учёного-славяноведа В.И. Ламанского. Его деятельность, продолжавшаяся почти всю вторую половину XIX в. и часть XX столетия, имела большое значение для изучения славянского мира в его совокупности. В.И. Ламанский был универсальным славистом. Он изучал историю славян, археологию и этнографию, исторические памятники и культуру в целом. Одним из первых в России В.И. Ламанский обратил внимание на архивные документы о славянах, оценил их значение для науки и широко использовал в своих работах. Большой заслугой для науки было разыскание учёным документов о славянах в архивах европейских стран и публикации этих материалов. Наряду с научной работой (учёному принадлежит более 400 работ разного жанра), В.И. Ламанский был активным общественным деятелем, публицистом, издателем научных журналов славяноведческой ориентации и одним из главных представителей русской науки, способствовавших развитию культурных контактов со славянскими странами.

Беспрецедентно велика заслуга В.И. Ламанского в воспитании кадров славистов в России. Являясь несколько десятилетий профессором Петер-

бургского университета, он создал из своих учеников костяк русского славяноведения второй половины XIX – начала XX столетий.

Столь колоритная личность российской интеллектуальной жизни всегда пользовалась вниманием общественности, поэтому о В.И. Ламанском достаточно много сведений в литературе. Современники рецензировали его труды, полемизировали с ним по поводу публицистических статей и выступлений. В XX в. публиковалась его корреспонденция с иностранными и отечественными учёными и политиками, краткие сведения о В.И. Ламанском имеются практически во всех энциклопедиях и словарях соответствующего профиля¹. И хотя В.И. Ламанский не был забыт даже в советское время, когда «буржуазные» учёные не пользовались уважением, его творчество нельзя назвать исчерпывающим образом изученным. Для дальнейшей его разработки существуют богатейшие материалы архивов, ещё в значительной степени не введённые в научный оборот.

В.И. Ламанский родился в 1833 г. в семье дворянина, директора одной из канцелярий Министерства финансов Российской империи, впоследствии сенатора. Окончив петербургскую гимназию, будущий учёный поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где проходил курс славяноведения у проф. И.И. Срезневского. По окончании университета в 1854 г. В.И. Ламанский служил чиновником губернского управления, а затем работал в Императорской Публичной библиотеке и написал диссертацию, получив за неё степень магистра в 1859 г.². Затем он перешёл в ведомство министерства народного просвещения и стал готовиться к замещению кафедры славянских наречий в одном из университетов России. В 1862 г. молодой учёный был командирован за границу, посетил славянские земли Австрийской империи, а также Италию, Грецию, Константинополь, плодотворно работал в Вене и Праге и собрал много рукописей и других материалов из архивов и библиотек. Энергичный, отличавшийся разносторонними интересами, молодой учёный исследовал не только самих славян, но и окружавшие их народы, уделяя много внимания политической жизни Европы. В 1865 г. В.И. Ламанский был избран доцентом по кафедре Славянской филологии Петербургского университета и проработал там до 1898 г., пройдя все стадии карьеры профессора, а в 1900 г. стал академиком императорской Российской академии наук.

В университете В.И. Ламанский преподавал введение в славяноведение, отдельные курсы славянских литератур, а с 1870-х годов сосредоточился на занятиях по истории южных и западных славян.

Мировоззрение В.И. Ламанского, его отношение к славянству представляли собой один из вариантов славянофильского подхода к истории и современному положению славян. На славянство учёный смотрел как на единое целое и придавал огромное значение той эпохе, когда, по его мнению, славянское единство было в древности осуществлено на началах на-

родности, а также единой славянской церкви. Но это единство было кратковременным. Западные и южные славяне, лишившись национальной опоры и единой церкви, утратили и свою политическую независимость и подчинились «чуждым народам». Из всех славянских народов, подчёркивал В.И. Ламанский, лишь русские создали могущественную мировую державу и тем самым отстояли свою славянскую самобытность, что и определило особое положение этого народа в славянском мире. Только русские, считал В.И. Ламанский, способны объединить славянство и вернуть ему политическую и культурную свободу. Отсюда вытекает и идея о признании всеми славянами русского языка как общелитературного при сохранении всех отдельных славянских языков в рамках «местной жизни» народов. Русский язык должен был заменить славянским народностям в их повседневной жизни немецкий, а в богослужении западных славян – латинский. Австрия представлялась Ламанскому лишь орудием Германии, а конечная цель всех немцев – направленной вовсе не на благополучие славян, а на господство над ними. Русский народ являлся в глазах Ламанского «крепким кряжем», а все другие племена – его «ветвями». Однако аргументация Ламанского в пользу объединения славян на указанных основаниях была недостаточно убедительной. Ему не удалось выявить то общее, что связывало бы всех славян, кроме вражды к немцам. Иллюзорность теорий Ламанского ярко проявилась в частности в том, что после распада Австро-Венгрии славяне создали самостоятельные государства, а не бросились в объятия России.

По политическим взглядам Ламанский был сторонником монархической формы правления, защитником русского самодержавия и православия. В своих научных и публицистических трудах он подчинял научно-политические построения политическим взглядам, поэтому его теории могли стать основанием для политических конструкций, в том числе и реакционного толка, что зависело от личности, использовавшей идеи Ламанского. Сам учёный отличался широким взглядом на мир, он был толерантен к религиозным и другим убеждениям, противоречившим его личным, отрицал цензуру, высказывался за автономию высшей школы. В период студенческих волнений он вместе с либеральными профессорами осуждал политику самодержавия и оправдывал выступления студентов.

Образованный и гуманный, общественно активный, хороший педагог, всегда готовый оказать помощь своим ученикам, В.И. Ламанский притягивал к себе людей и был широко известен не только среди русских политиков, учёных и вообще интеллигенции, но и у славян, о чём свидетельствует его обширная корреспонденция, сохранившаяся в архивах.

Определённую роль в популярности профессора В.И. Ламанского среди учащейся молодёжи играли события в славянских странах и позиция России в этом вопросе во второй половине XIX в. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и связанные с нею международные события привлекали вни-

мание не только публицистов, но и стимулировали научные исследования по истории южнославянских народов, возбуждали интерес у учащихся к более глубокому знакомству и изучению «славянских братьев», «стонущих под турецким игом» и «взывающих о помощи». Нужно признать, что славяноведение в России всегда было в той или иной степени политизировано, и события в славянском мире, как правило, активизировали изучение этого мира. Что касается западных славян, то там ситуация была иная, но и польское восстание 1863-1864 гг., и создание дуалистического государства Австро-Венгрия тоже способствовали оживлению исследований о поляках и чехах, хотя не в том объёме как о южных славянах и с другой концепцией.

Исследователи истории, культуры и других сторон жизни славян, вступившие в науку после окончания деятельности русских первопроходцев первого поколения в значительной мере были учениками профессора Петербургского университета В.И. Ламанского. По неполным данным, более тридцати из них серьёзно заявили себя в науке о славянах³ и успешно развивали русское славяноведение на протяжении своей дальнейшей жизни. Среди них – языковеды, историки литературы, исследователи славянского народного творчества, историки церкви, историки славянского права, исследователи письменных памятников и других славянских источников, а также общей политической истории славян и её отдельных этапов. За более чем 50-летний срок научной и педагогической деятельности В.И. Ламанский учил студентов азам славяноведения, славянским языкам, методу работы с памятниками письменности и другими источниками, знакомил с литературой, прививал определённые взгляды на историю и современное положение славян, заботился об их образовании, организуя им командировки в славянские страны, способствовал установлению научных связей со специалистами в России и за границей – словом, развивал в своих учениках интерес к славянству как истинный педагог, преданный своему делу воспитания кадров и развитию науки в соответствии с собственным её пониманием. Однако его ученики, благодарные своему учителю за обучение, далеко не все разделяли его мировоззрение, его взгляды на исторический процесс в целом и историю славян в частности, а также на современное их положение. Ученики жили в общественных условиях, воздействия которых были более весомыми, чем авторитет учителя. Все они были индивидуальностями и отличались не только от бывшего наставника, но и друг от друга.

Среди бывших учеников В.И. Ламанского были как сторонники славянофильских подходов к истории и современности славян, хотя и в других вариантах по сравнению с учителем, так и решительные критики, считавшие славянофильство не только анахронизмом, но даже явлением достаточно вредным, тормозившим развитие истинного познания славянства.

Славянофильские взгляды на славяноведение преимущественно отражались в сочинениях старших учеников В.И. Ламанского. Среди истори-

ков это были И.С. Пальмов, К.Я. Грот и некоторые другие. Нередко эти взгляды встречаются у учеников В.И. Ламанского, которые исследовали историю древнеславянского языка, памятники письменности и особенно кирилло-мефодиевскую проблему. Живучесть славянофильских построений у славистов, начавших свою деятельность во второй половине XIX в., на наш взгляд, объясняется ещё сохранившейся традицией в литературе и общественной жизни России. Новые направления науки только пробивали себе дорогу и отнюдь не были явлением всеобщим. В славистической литературе ещё имели место утверждения о православии всех славян (исключая поляков) в период до потери ими политической независимости, или о стремлении к возвращению веры святых славянских апостолов. В изданиях славянского направления пропагандировалась древность идеи славянской взаимности, при этом подчёркивались общие черты в языке, народном творчестве и обычаях славян и ничего не говорилось об их взаимной вражде, распрях и войнах между ними в течение всей их истории. Определённое значение имел и тот фактор, что славянскими сюжетами интересовались нередко дети и внуки представителей духовного сословия. Иногда и сами будущие учёные поступали в университет после окончания духовных семинарий. Воспитание, семейные традиции и соответствующее окружение способствовали сохранению устаревших взглядов на мир и на науку и консервативных политических убеждений.

Однако наиболее крупные представители исторической науки о славянах сочетали консервативные политические взгляды и традиции и учитывали достижения современной науки. Ярким примером тому является творчество И.С. Пальмова (1856–1920). Он окончил Рязанскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию, где В.И. Ламанский преподавал историю славян, учил студентов славянским языкам и подсказал способному слушателю тему будущего его исследования. Впоследствии И.С. Пальмов опубликовал ряд важных сочинений, в том числе первопродходческое произведение об Общине чешских братьев⁴, получившее высокую оценку не только в русской, но и в чешской историографии.

Крупнейшим исследователем истории южных славян стал представитель старшего поколения учеников В.И. Ламанского Т.Д. Флоринский (1854–1919). Он также был сыном священника – учёного и автора исследований по истории христианской церкви, издателя в 60-х годах XIX в. журнала «Дух христианства». Т.Д. Флоринскому принадлежит новаторское произведение, посвящённое деятельности сербского правителя Стефана Душана, сохранившее научное значение до настоящего времени. Выдающимися явлениями в изучении истории южных славян были и другие сочинения Т.Д. Флоринского. Во взглядах на славян этот учёный принадлежал к числу приверженцев русского государственного единства и руководящей роли Русского государства в жизни славянских народностей. В этом вопросе

Т.Д. Флоринский был полностью согласен с В.И. Ламанским, но в своей публицистической деятельности придал ему особую остроту и необычную окраску. Славянофильские реминисценции Флоринского проявились также в том, что он считал «славянское племя» особым явлением природы со специфическим духовным складом (славянским духом), подчёркивал всё, что славян объединяет, и замалчивал проблему межславянских конфликтов. В публицистике учёный иногда проявлял явное германофобство⁵.

Среди старшего поколения учеников В.И. Ламанского особое место занимал Ф.Ф. Зигель (1845–1921). Его семья была немецкой по происхождению, но православной, хотя и придерживалась немецких традиций. Будущий учёный получил среднее образование в немецкой школе в Петербурге, а затем закончил в 1867 г. юридический факультет Петербургского университета. Во время прохождения курса Ф.Ф. Зигель посещал лекции В.И. Ламанского и изучал у него славянские языки. Профессор рекомендовал ему заняться славянским правом, и Ф.Ф. Зигель после защиты магистерской диссертации стал преподавать этот предмет в Варшавском университете, где и проработал 45 лет, пройдя весь путь карьеры – от магистра до ординарного профессора. Зигель читал лекции по истории польского и чешского права, а в научном отношении также исследовал средневековое право южных славян. Лекции и научные исследования Ф.Ф. Зигеля отличались использованием для них сравнительного метода, критической обработки источников и новыми взглядами на сущность истории права. Он отверг славянофильские теории о самобытности славянского мира как особого культурно-исторического типа в отличие от мира романо-германского. Учёный принадлежал к числу историков-позитивистов⁶.

Среднее поколение учеников В.И. Ламанского также уже отходило от романтического освещения истории славян. Уважая своего учителя, чьи методы его воспитания и обучения, они уже в основном не разделяли его взгляды на славянство, не увлекались утопическими теориями относительно будущего славянского мира, а усердно работали в архивах, освещая источники по выбранной теме методом критического анализа. Так, Ю.С. Анненков (1849–1885), занимаясь идеологией гуситского движения, сделал много открытий в процессе разыскания материалов и некоторые из них опубликовал, внося тем самым существенный вклад в славяноведение.

В конце XIX – начале XX вв. в научную и педагогическую деятельность включилось младшее поколение историков-славистов, учеников В.И. Ламанского. Среди них – А.Л. Погодин, Н.В. Ястребов, филолог Г.А. Ильинский, также внесший вклад в изучение истории славян, и некоторые другие. Это были учёные нового типа. В отличие от предшественников у них не было романтического отношения к славянам. Политические события в Восточной Европе последней четверти XIX в., глубокое изучение всех сторон жизни зарубежных славян через собственные продолжительные ко-

мандировки и средства печати не оставили им иллюзий об отношении вне-российских славян к России и так наз. славянской взаимности, о которой ещё толковали некоторые романтики. Новое поколение славистов смотрело теперь на славян с трезвых позиций. В то же время развитие науки, в том числе и в области истории, не позволяло руководствоваться отошедшими в прошлое идеями и методами. В русской исторической науке наступила новая эпоха, и хотя старые концепции ещё были живы и появлялись в исторических произведениях, всё же они были уже непопулярны. Младшее поколение учеников В.И. Ламанского решительно отвергало славянофильскую концепцию и активно её критиковало. Изменилась проблематика их исследований, расширилась хронология и источниковая база исследований. В политическом отношении представители нового направления разделяли либеральные взгляды, понимали несовершенство существующих порядков и желали их улучшения. Важным средством решения научных вопросов они считали проведение широкомасштабных реформ и эволюционный путь к прогрессу.

Заметим, что либеральная профессура в университетах России в начале XX в. была явлением достаточно распространённым. В славяноведении к ней принадлежали некоторые ученики В.И. Ламанского. Среди них был известный историк-славист, профессор Варшавского, а затем Харьковского университетов Александр Львович Погодин (1872–1947). Он родился в Витебске в дворянской семье. В городе были живы польские традиции, и будущий профессор с детства владел польским языком. Окончил гимназию в Петербурге и, поступив там в университет, стал усердным учеником В.И. Ламанского, обратив на себя внимание интересом к славянским языкам. По окончании университета Погодин стал преподавать славянские языки, а с 1897 г. был допущен к чтению лекций в Петербургском университете по кафедре славянской филологии. В 1901 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему: «Из истории славянских передвижений» и был назначен экстраординарным профессором в Варшавский университет по кафедре славянской филологии. До варшавского периода А.Л. Погодин занимался главным образом славянскими древностями и языкознанием. Затем он постепенно перешёл к изучению польской истории и литературы. Одновременно совершал частые и продолжительные поездки по славянским землям, изучая архивы, библиотеки и современное состояние зарубежного славянства. В университете он занял особую позицию в отношении поляков. Зная с детства польский язык, ценя польскую культуру, он был не согласен с политикой российского правительства в отношении Польши и высказывался не в духе официальной линии. А.Л. Погодин считал, что Польше нужно предоставить автономию, русский университет перевести в коренную Россию, а в Варшаве ввести преподавание на польском языке. Подобное свободомыслие не могло нравиться начальству и вообще русским властям и создавало неком-

фортные условия для существования Погодина в Варшаве. С другой стороны, националистически настроенная польская профессура и общественность не хотели разбираться в том, кто из русских профессоров симпатизировал полякам, а кто нет, и выражали враждебное отношение ко всем русским. Особенно обстановка обострилась в 1905 г., когда из-за обструкции деятельности Варшавского университета со стороны студентов-поляков и вообще польской общественности университет был закрыт и значительная часть профессуры из Варшавы разъехалась. А.Л. Погодин тоже покинул Варшаву в 1908 г., уволившись по собственному прошению. Вскоре он стал профессором Харьковского университета, где преподавал историю славянских народов, историю их литературы и другие предметы этого цикла.

Но в варшавский период А.Л. Погодин накопил много материалов, которые стали основой его важных трудов, в частности по истории Польши. Так, он создал фундаментальный труд «Главные течения польской политической мысли (1863-1907)» (СПб, 1907), в котором рассмотрел все политические течения в Польше за указанный период. Книга носила злободневный характер и имела положительную и отрицательную критику. Однако в целом такой труд по животрепещущей проблеме польско-русских отношений в историографии не имел прецедента. Другим крупным произведением А.Л. Погодина по истории Польши стала книга «История польского народа в XIX в.» (М., 1915). В отличие от сочинений других русских авторов, А.Л. Погодин сочувственно и с симпатией относился к полякам и их борьбе за своё национальное существование, желал им независимости в этнографических границах в форме автономии, «связанной с Россией государственным единством». По новой и новейшей истории Польши автор опубликовал много статей. Польской культуре профессор посвятил материал своих лекций в Харьковском университете, оформив их содержание в печатное издание. Они не только заполнили пробел в литературе на указанную тему, но и имели значительную научную ценность⁷.

В харьковский период своей деятельности А.Л. Погодин сосредотачивается на изучении южных славян. Назревает кризис на Балканах, в 1908 г. происходит аннексия Боснии и Герцеговины. Учёный освещает в печати вопросы о современном состоянии Сербии, публикует пособие по истории хорватской литературы, в 1909 г. издаёт «Историю Сербии», а в 1910 г. «Историю Болгарии». Как и в XIX в., политические события стимулируют научное изучение славянской истории русскими учёными. Однако теперь её освещение даётся с других позиций.

Во всех своих трудах А.Л. Погодин отрицает действительность такого явления как славянская взаимность. Более того, он не видит причин для её возникновения. В работе «Краткий очерк истории славян» (М., 1915) он ясно говорит о том, что единственным признаком принадлежности славянских народов к одному племени служит язык: «Трудно сказать, можно ли найти

кроме родства языков ещё какой-нибудь признак, который позволял бы говорить о родстве славянских народов», и «не наследие какого-то праславянского быта роднит славянские народы. Нет между ними и какого-либо иного сходства, например, антропологического; нет его даже в пределах одной славянской народности... Разумеется, образовавшаяся общность языков явилась в последующее время для народного сознания славян таким звеном объединения, которое внушало славянским народам убеждение в их действительном родстве, а вместе с тем и чувства, покоящиеся на сознании такого родства. Но такое сознание – продукт позднейшего культурного и политического развития»⁸. Кроме того, польско-русские отношения и история южных славян – болгар и сербов – не оставляют сомнения в том, что теория славянской взаимности представляет собой романтическое увлечение, мечты некоторых славянских интеллектуалов, ищущих средства для освобождения от национального угнетения. Известно также, что А.Л. Погодин резко отрицательно относился ко всем проявлениям славянофильства. Но будучи учеником славянофила В.И. Ламанского, Погодин отзывался о своём учителе с большим уважением, несмотря на разницу во взглядах. В своей магистерской диссертации он обратил внимание на книгу В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) и вынес о ней такое впечатление: «Несмотря на то, что многие увлечения тогда молодого учёного современной наукой не признаны, эта книга до сих пор представляет замечательное явление по удивительной эрудиции, широте горизонта и теплоте чувства, проникающей её сочинителя: при чтении её чувствуется, что молодой автор её должен при последующем развитии своих взглядов сыграть крупную роль в русской науке и особенно в русской общественной жизни»⁹.

Во всех работах А.Л. Погодина по истории славян содержится обилие ценного и достоверного материала, извлечённого из источников, критически проанализированных. Излагая в основном ход политической истории, автор подчёркивает влияние экономики и других факторов. Он рассматривает социальную структуру общества славянских народов, объясняет причины её формирования. В то же время учёный обращает внимание на тяжёлое экономическое положение низших классов. Наиболее чётко эти стороны освещаются в работе «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г.» (М., 1915). Таким образом, А.Л. Погодин относится к крупнейшим полонистам в русской историографии XX в. и является не менее значительным исследователем истории южных славян. Его метод работы с историческими источниками, интерес к современной истории, объективность изложения без предпочтения какого-либо славянского народа, анализ положительных и негативных аспектов в политике и т.д. показывают, что в исторических работах учёный выступает как представитель позитивистского направления в историографии. Жизнен-

ный путь А.Л. Погодина окончился в эмиграции, где он не написал ни одного сочинения равного тем, что опубликовал в России.

Учёным нового типа был ещё один ученик В.И. Ламанского – Николай Владимирович Ястребов (1869–1923). Он был единственным историком-профессионалом по истории славян и внёс много нового в организацию преподавания истории славян в Петербургском университете, а также в изучение истории средневековой Чехии.

Н.В. Ястребов родился в 1869 г. в г. Ветлуге Костромской губернии, в семье бедного священника¹⁰. Окончил Костромскую духовную семинарию в 1890 г., продолжал образование в Петербургской духовной академии, но в 1891 г. перешёл на историко-филологический факультет Петербургского университета, где стал специализироваться по кафедре славянской филологии у В.И. Ламанского. Последний предложил Н.В. Ястребову заняться историей славян, в частности изучением гуситского движения в Чехии в XV в., главным образом его идейной стороной. Он успешно прошёл стажировку за границей – в Вене, Мюнхене и Праге (последняя значительно способствовала повышению его квалификации) и возвратился в Россию с почти готовой магистерской диссертацией, посвящённой деятельности гуситского идеолога Петра Хельчицкого. В процессе поисков и изучения источников для своей работы в архивах Чехии и Австрии Н.В. Ястребов сделал много открытий, в результате которых была установлена последовательность создания чешским средневековым мыслителем его сочинений, т.е. его литературная биография. Изданная в 1908 г. работа Н.В. Ястребова «Этюды о Петре Хельчицком» явилась событием в историографии гуситского движения. Этот труд по своему новаторству, содержанию, методу изучения архитрудных источников превосходил всё, что до сих пор было известно об идеологии позднего гусизма. Это признавалось и чехами, вообще очень критично и ревниво относящихся к сочинениям об их истории, написанным иностранцами. В русской гуситологии труд Н.В. Ястребова был явлением беспрецедентным, свидетельствующим о торжестве позитивистского направления в изучении истории средневековой Чехии.

Став преподавателем славянской истории в Петербургском университете, Н.В. Ястребов значительное внимание уделял истории Польши. В 1914 г. он издал «Краткий очерк истории Польши» (в 1915 г. книга вышла под названием «Краткий очерк истории польского народа»), организовал и под своей редакцией издал переводы на русский язык нескольких важнейших сочинений польских историков – С. Кутшебы, О. Бальцера, В. Грабеньского. По истории южных славян писал статьи в энциклопедии и издавал источники для педагогических целей. В 1917 г. вышла его «История болгарского народа» – литографированное издание на основе лекций, читанных студентам. Словом, в лице Н.В. Ястребова русское славяноведение в области изучения истории имело первоклассного исследователя европейского

уровня по образованности, прогрессивности оценок прошлого и современности славян, по методу обработки исторического материала и взглядам на исторический процесс в целом.

В политическом отношении Н.В. Ястребов принадлежал к числу либеральных профессоров. Он не принял Октябрьской революции, в 1920 г. уехал в командировку в Чехию и в Россию не возвратился, став эмигрантом. Вскоре, в 1923 г., он умер в Праге. Что касается его отношений с В.И. Ламанским, то Н.В. Ястребов, являясь одним из последних его учеников, несмотря на полную противоположность по мировоззрению вообще и взглядам на славянство, как в прошлом, так и в настоящем, относился к своему учителю с полным уважением, не опускался до критики обветшавших теорий стареющего учителя, отразившихся в его последних работах, и, как свидетельствует личная переписка Н.В. Ястребова с другими русскими учёными, заботился о В.И. Ламанском и общался с ним до самой кончины последнего.

Изложенный материал даёт основание сделать некоторые выводы. Прежде всего он показывает решающую роль В.И. Ламанского в воспитании кадров славистов в России в последней четверти XIX – начале XX вв. Подавляющее большинство славистических кафедр в университетах в указанное время было занято учениками Ламанского. Лица, прошедшие подготовку по славяноведению в Петербургском университете, также работали редакторами журналов и газет, издавали сборники, альманахи и другие виды научной литературы со славяноведческим содержанием и активно участвовали в них собственным творчеством. Некоторые бывшие студенты профессора В.И. Ламанского состояли на государственной и дипломатической службе, другие работали в средних учебных заведениях. Таким образом, Петербургский университет в указанный период занимал первое место в России по воспитанию кадров славистов.

Однако несмотря на большой авторитет В.И. Ламанского, о его научной школе в области славянской истории говорить вряд ли возможно, хотя такое понятие часто встречается в отечественной историографии до настоящего времени.

Школа в гуманитарной области знаний предполагает единство или близость лидера и его последователей во взглядах на исторический процесс, на методы исследования и в политической ориентации. У профессора В.И. Ламанского такого единства с его учениками не было. Лишь единицы разделяли его славянофильский подход к главным проблемам славяноведения и политические взгляды. Большинство же его учеников были антиславянофилами, склонялись к позитивистским методам в освещении источников или полностью усвоили этот метод в своих исследованиях, а в отношении политических убеждений стояли на более прогрессивных позициях – осуждали самодержавие, политику России в Польше, выступали за измене-

ние политических порядков в духе создания конституционной монархии или без неё. Добавим к тому, что различие было не только между учителем и его бывшими учениками, но и среди них самих.

В.И. Ламанский играл роль учителя лишь на первом этапе вхождения в науку своих учеников. Он сообщал им знания по славянским языкам, истории, культуре и т.д., т.е. знакомил с азами славяноведения, кроме того учил их методам работы с историческим материалом, доступным в рамках университетского образования. Обладая большой эрудицией, указывал на литературу, источники и подсказывал тему будущих исследований. Возможно, воздействовал на аудиторию своей увлечённостью славянством и просто своими человеческими качествами. Однако профессор имел дело с контингентом с ещё не оформившимися убеждениями и принципами в виду недостаточного жизненного опыта.

На самостоятельное развитие личности первоначальный учитель, как правило, мало влияет. Решающую роль в этом процессе играют окружающая действительность, общественная среда, эпоха в целом и индивидуальные особенности человека. А действительность оказывалась другой, чем она представлялась В.И. Ламанским в его трудах и общественной деятельности. В действительности не было оснований для той романтики в отношении зарубежных славян к России, в которую верили славянофилы, не существовала и так наз. славянская взаимность, долго согревавшая сердца романтиков насчёт будущего «славянского мира». Исторический процесс протекал иным путём. Ученики Ламанского в своём творчестве не только не придерживались мировоззрения и убеждений своего учителя, но были им вполне противоположны. Поэтому говорить об «исторической школе В.И. Ламанского» в области славяноведения, как о коллективе единомышленников, нет никакого основания. Вместе с тем педагогическая деятельность профессора В.И. Ламанского в форме сообщения знаний и пробуждения интереса к славянству является большим вкладом в развитие славяноведения в России, а через него и в русскую культуру в целом.

Примечания

¹ Дореволюционная литература о В.И. Ламанском, библиография его трудов и некоторые публикации его корреспонденции указаны в справочных изданиях. См., напр.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 217. Кончина В.И. Ламанского в 1914 г. вызвала большое число воспоминаний, некрологов и ряд серьёзных попыток оценки значения учёного в истории славяноведения. Стали появляться публикации его писем: Переписка двух славянофилов (И.С. Аксакова и В.И. Ламанского) // Русская мысль. 1916. Кн. 9 и 12; 1917. Кн. 2-4; *Покровская О.В.* Из переписки Н.И. Костомарова с В.И. Ламанским (1858-1867) // Голос минувшего. 1917. № 1. В 1934 г. В.Н. Кораблёв опубликовал статьи: «Письма Любена Каравелова к академику В.И. Ламанскому» и «Валтасар Богишич и академик В.И. Ла-

манский (по архивным материалам)» // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. II. Л., 1934. С. 115–120, 163–187. Большую научную ценность имеет публикация писем В.И. Ламанского и некоторых учёных и общественных деятелей к нему в издании «Документы к истории славяноведения в России (1850–1912)». М. –Л., 1948.

В последние десятилетия XX и начале XXI вв. о В.И. Ламанском опубликовано несколько новых серьёзных исследований. См., напр.: *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX вв. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986; *он же*. В.И. Ламанский и его историсофский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // *Славянский альманах*. 1996. М., 1997; *он же*. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930 гг.). М., 2004; *Лантвева Л.П.* Переписка между русским славистом В.И. Ламанским и чешским учёным Адольфом Патерой как источник по истории русско-чешских связей во второй половине XIX в. // *Zbornik filozofickej fakulty univerzity Komenského. Roč. XXXI. Historica*. Bratislava, 1984. S. 45–73; *она же*. В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX вв. // *Славянский вопрос: веки истории*. М., 1997; *она же*. В.И. Ламанский (1833–1914) и его «историческая школа» // *Российские университеты в XVIII–XX веках: сборник научных статей*. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 68–83; *она же*. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 354–431 и др. Кроме того о В.И. Ламанском существуют неопубликованные диссертации и ряд статей, напечатанных в различных сборниках, преимущественно «материалах» научных конференций и «Вестников», «Учёных записок» различных университетов России.

² Все сведения о биографии и служебной деятельности В.И. Ламанского в Петербургском университете извлечены из Российского Государственного исторического архива (Ф. 733. Оп. 141, 150), а также Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга (Ф. 14. Оп. 3 и др.).

³ Об этом свидетельствует список трудов учеников В.И. Ламанского, опубликованный в: Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его учебной и профессорской деятельности. СПб, 1883; Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учёной и литературной деятельности. СПб, 1905.

⁴ Подробно о творчестве И.С. Пальмова см.: *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 196–220.

⁵ Творчество Т.Д. Флоринского подробно освещено в: *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 629–664.

⁶ См.: *Лантвева Л.П.* Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф. Зигеля (1845–1921) // *История и историки. Историографический вестник*. М., 2007. С. 257–303.

⁷ См.: *Лантвева Л.П.* Русский историк-славист А.Л. Погодин. Его жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.

⁸ *Погодин А.Л.* Краткий очерк истории славян. М., 1915. С. 4–6.

⁹ *Погодин А.Л.* Из истории славянских передвижений. СПб, 1907. С. 74.

¹⁰ Подробно о Н.В. Ястребове см.: *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 216–261.